

АССОЦИАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМЫ *КАРУСЕЛЬ* В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

*И.Н. Пономаренко*¹, *irnik20@mail.ru*

*Н.А. Сегал*², *natasha-segal@mail.ru*

¹ *Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия*

² *Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия*

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу ассоциативного потенциала лексемы *карусель* в русском языковом сознании. На материале текстов, размещенных в Национальном корпусе русского языка (более 2000 контекстов), устанавливается и анализируется семантико-прагматический потенциал исследуемого слова с учетом специфики лингвистических и экстралингвистических факторов, выявляются особенности моделирования фрагмента русской языковой картины мира, включающего образ карусели. Утверждается, что трансформации семантического пространства лексической единицы *карусель*, с одной стороны, демонстрируют особенности отражения словом реалий определенных эпох, с другой – становятся признаком индивидуально-авторских характеристик, которыми слово *карусель* насыщается в отдельном контексте. Доказывается, что при экспликации в художественных и публицистических текстах слово *карусель* обрастает новыми коннотативными характеристиками и лежит в основе формирования большого числа метафорических образов, не соотносящихся с денотативным содержанием исследуемой единицы.

Ключевые слова: художественный текст, индивидуально-авторская картина мира, контекст, ассоциативный потенциал, ассоциация, лексема, метафора, коннотация

Для цитирования: Пономаренко И.Н., Сегал Н.А. Ассоциативный потенциал лексемы *карусель* в русской языковой картине мира // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2026. Т. 23, № 1. С. 30–37. DOI: 10.14529/ling260104

Original article
DOI: 10.14529/ling260104

ASSOCIATIVE POTENTIAL OF THE LEXEME *CAROUSEL* IN THE RUSSIAN LINGUISTIC WORLDVIEW

*I.N. Ponomarenko*¹, *irnik20@mail.ru*

*N.A. Segal*², *natasha-segal@mail.ru*

¹ *Kuban State University, Krasnodar, Russia*

² *V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia*

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the associative potential of the lexeme *carousel* in the Russian linguistic consciousness. Based on the material drawn from the National Russian Corpus (more than 2,000 contexts), the study establishes and analyzes the semantic and pragmatic potential of the word, taking into account the specifics of linguistic and extralinguistic factors. The study reveals the features of modeling a fragment of the Russian linguistic worldview that includes the image of a carousel. The analysis contends that the transformations of the semantic space of the lexical unit *carousel*, on the one hand, demonstrate the distinctive ways the word reflects the realities of specific historical epochs, and, on the other hand, become a marker of the individual author's characteristics that the word *carousel* acquires in a particular context. The study demonstrates that when explicitly used in literary and journalistic texts, the word “carousel” acquires new connotative features and generates a wide range of metaphorical images that extend beyond the denotative meaning of the unit under study.

Keywords: literary text, individual author's worldview, context, associative potential, association, lexeme, metaphor, connotation

For citation: Ponomarenko I.N., Segal N.A. Associative potential of the lexeme *carousel* in the Russian linguistic worldview. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2026;23(1):30–37. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling260104

Введение

В эпоху глобальных изменений, ускорения социополитических процессов и мировых катализмов язык определяет стиль мышления, формирует мировоззрение, влияет на особенности представления картины мира, стереотипизирует поведение того или иного сообщества. Турбулентность XX в. и технологический прорыв XXI в., военные конфликты, с большей или меньшей интенсивностью вспыхивающие на постсоветском пространстве, ускоряющийся темп жизни как каждой отдельной личности, так и общества в целом определяют тот факт, что все чаще источником метафорического переноса становятся слова, в семантике которых закреплены ядерные компоненты 'движение', 'высокая скорость', 'изменения', 'цикличность'. Реализуясь на уровне вторичной номинации, такие слова являются важными элементами картины мира представителя русской лингвокультуры и находят свое отражение в текстах разных жанров [3, 6, 10, 11, 15]. *Цель* предлагаемой статьи заключается в выявлении и описании особенностей семантического моделирования с инвариантным значением *карусель* в русском языковом сознании в диахронии и синхронии.

Материалы, методы, обзор

Лексема *карусель* представляет несомненный интерес для лексикографического анализа, так как в своей семантической структуре включает образную и ценностную составляющие, что позволяет подвергать ее анализу не только в собственно лингвистическом, но и в концептологическом аспектах. Как отмечал В.В. Виноградов, вся картина изменений значений и оттенков значений слова может быть воссоздана только при полном воспроизведении исторически сменяющихся или изменяющихся систем языка. Согласно точке зрения Ж. Вандриеса, этимология устанавливает «послужные списки слов, выясняя, откуда каждое из них пришло в данный язык, как оно образовалось и через какие изменения прошло» [Цит. по: 2, с. 12]. По мнению О.Н. Топорова, этимология может выступать не столько как «вскрытие истоков исходного единства, сколько как указание-намека на некий итог, на завершение перспективы «идеального» единства – предела смысловых потенциалов слова на предлагаемом пути» [13, с. 206]. Данный тезис в полной мере подтверждается при обращении к истокам возникновения в русском языке исследуемого слова и безусловным фактом расширения его значения.

Этимологический портрет слова *карусель*, как показывает анализ лексикографических источников, не является однозначным. Так, в «Этимологическом словаре» под ред. М. Фасмера подчеркивается, что в русский язык данное слово пришло через нем. *Karussel* или непосредственно из франц. *caroussel* от ит. *Carosello* [14]. В «Толковом слова-

ре иноязычных слов» под ред. Л.П. Крысина утверждается, что слово *карусель* попало в русский язык из итальянского через французский, пройдя следующие семантические изменения: фр. *carroussel* <ит. *carusello* <гара состязание + *sello* седло [7, с. 342]. А.В. Семенов обращает внимание на тот факт, что данное слово «в русском языке известно со времен Петра I, однако первоначальные его значение и форма были другими. Слово использовалось в форме «карозель» и имело значение «конные состязания». В середине XVIII в. данным существительным обозначали приспособление, сооружение для катания по кругу. В значении «неразбериха» оно стало использоваться в XIX в. В русский язык слово проникло либо непосредственно из итальянского, либо через французский язык».

Отсутствие единого мнения о значении лексемы фиксируют толковые словари разных периодов. Так, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля *карусель* интерпретируется как «воинская конная игра; представление, в подражание рыцарским турнирам» [4]. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова значение «Праздничное кавалерийское состязание, заменившее средневековый турнир» подается вторым с пометой «историческое», а первым значением выступает определение «Вращающийся аппарат с деревянными сиденьями (часто в форме лошадок, тележек, лодок для катанья на народных гуляньях)» [12]. В «Словаре русского языка» под ред. С.И. Ожегова значение, зафиксированное В.И. Далем, отсутствует, однако в качестве второго (переносного, разговорного) значения приводится следующее: «Канитель, неразбериха» [9]. Как покажет дальнейший анализ, именно это значение лежит в основе метафоризации исследуемой единицы, наличие которой фиксируется в доминирующей части проанализированных контекстов. Более новые толковые словари, сохраняя значение, характеризующее *карусель* как аттракцион, предлагают и такие: «перен. Люди, предметы и т. п., движущиеся по кругу, друг за другом» [5], «разг. Быстрая и непрерывная смена чего-л. (дел, лиц, явлений и т. п.); круговорот» [8].

Кроме того анализ художественной литературы позволяет заключить, что в XVIII – начале XIX века слово *карусель* было мужского рода (*Карусель*, который стоил столько издержек, родился от скуки [К.Н. Батюшков. Прогулка по Москве (1811–1812)]), а в современных текстах параллельно с формой единственного числа используется множественное: И мы тоже летели дальше на *каруселях* сансары сочинять свои ночи и дни, и разбрасывать их, и дарить тем, кто случайно обретет место под нашим солнцем [Дарья Симонова. Половецкие пляски (2002)]; Среди водоворотов *каруселей* он закружился от отчаянья неудачи, с силой расталкивая качели. [Александр Иличевский. Случай Крымского моста (2000) // «Зарубежные записки», 2007)].

Таким образом, исторические трансформации семантического пространства лексической единицы *карусель* позволяет создать универсальную модель со специфическими этимологическими и национально-культурными характеристиками. По справедливому замечанию А.Д. Васильева, слова и словосочетания не только отражают реальную действительность и запечатлевают многообразные явления в сознании людей, но и способны «при определенных условиях воздействовать на носителей языка, выступая стимуляторами, которые вызывают довольно прогнозируемые реакции» [1, с. 47]. Расширяя спектр значений, *карусель* превращается в своего рода клубок разнообразных смыслов, а установление содержания его полисемичной структуры позволяет построить так называемые «семантические мосты между значениями» исследуемой языковой единицы.

Материалом для исследования послужили фрагменты художественных и публицистических текстов, включающих слово *карусель*, реализованное на уровне вторичной номинации. Обращение к Национальному корпусу русского языка (2037 словоупотреблений) позволяет определить место данной единицы в формировании русской языковой картины мира.

Результаты и обсуждения

Семантический потенциал языковой единицы *карусель*, ее расширяющийся ассоциативный спектр определил большое разнообразие номенов со стержневым компонентом *карусель* и их распространение в сфере **культуры и искусства** (ср: ансамбль фольклорного танца «*Карусель*», псковский театр «*Карусель*», спектакль Л. Филатова «*Карусель*», русский танец «*Карусель*», кинофильм «*Карусель*», цикл мультфильмов «*Веселая карусель*»); **литературы** (роман С. Моэма «*Карусель*», роман В.Ф. Козлова «*Карусель*», роман С. Резника «*Кровавая карусель*», ода В.П. Петрова «*На карусель*», литературный сборник Н.А. Тэффи «*Карусель*» и т. д.); **общественной жизни** (сеть магазинов в Санкт-Петербурге «*Карусель*», зал самообслуживания в Москве «*Волшебная карусель*», гостиница на Тверской-Ямской «*Карусель*», ночной клуб «*Карусель*», туристический комплекс «*Карусель*» и т. д.).

При этом показателен тот факт, что в основе расширения валентности лежат различные ассоциативные признаки – как зафиксированные лексикографическими источниками на тех или иных этапах развития слова, так и определяемые контекстом или экстралингвистическими факторами.

Ассоциативный потенциал языковой единицы *карусель* усматривается и в ее дериватах, не зафиксированных в лексикографических источниках. Словообразовательные и толково-словообразовательные словари определяют языковую единицу *карусель* как вершину словообразовательного гнезда для относительно небольшого

числа лексем (*карусельный, карусельщик, карусельщица, карусельность, карусельно-токарный, карусельно-фрезерный, карусельно-шлифовальный*). Обращение к художественным текстам и публицистике позволяет в значительной степени расширить словообразовательное гнездо, главным образом, за счет сложных слов с дефисным написанием, где *карусель* в форме единственного или множественного числа является вторым (реже – первым) компонентом (*качели-карусели, колесо-карусель, пепельница-карусель, мойка-карусель, аппарат-карусель, карусели-зонтики, беседки-карусели*). Важно подчеркнуть, что все сложные слова, построенные с опорой на компонент *карусель*, объединены интегральным компонентом ‘устройство’, которое способно обеспечить эффективный результат.

Лексема *карусель* входит в состав сравнительных оборотов на основе различных ассоциативных признаков, причем, реализуясь в контекстах, некоторые обороты могут быть охарактеризованы как энантиосемичные. Продемонстрируем наиболее типичные:

1. **Упорядоченность** (*Когда все идет четко, крутится, как карусель, пацаны вживаются в роли рабов, попов, царей, ведут себя соответствующим образом* [С.И. Рыженков. Дворовые игры + // «Волга», 2013]) / **бессистемность** (*Тогда Москва не была такой сплошной каруселью светлых людей* [Николай Леонов. Лекарство от жизни (2001)]).

2. **Устойчивость** (*И опять эта фраза однообразно мелькающей каруселью завертелась в коричневом пространстве, из туманца вытекала над зеленой травой, плыла вверх и куда-то вправо ...* [Юрий Бондарев. Берег (1975)]) / **изменчивость** (*Так и не став близким и понятным, этот чужой мир на годы закрутит его своей сумасшедшей каруселью, скорезит ему душу, исказит зрение, но он не будет сознавать этого, потому что потеряет память о себе прежнем* [Ю.М. Нагибин. Моя золотая теща (1994)]).

3. **Направленное движение** (*По следам побоища было видно, что разбойники напали внезапно, но, получив достойный отпор, начали каруселью скакать вокруг лагеря, осыпая калмыков тысячами стрел, снова и снова пытаясь ворваться в их ряды* [М.Б. Салимов. Сказка о последнем хане // «Бельские Просторы», 2010]) / **хаотичное движение** (*Так, почти каждую среду, по вечерам я начал ездить на Моховую слушать лекции, в окнах Ленинской аудитории (Бабаев не остался в университете ничем – ни аудиторией, ни читальным залом) отражалась лостра каруселью огоньков* [Александр Терехов. Бабаев (2003)]).

В основу модели сравнения могут быть положены и иные признаки:

– **форма** («*Понятно*», – *деревянным голосом сказал Ведерников, и прямоугольная комната вдруг стала круглой, будто карусель*) [О.А. Славникова. Прыжок в длину (2014–2016)];

– **вращение** (*Смешное, непонятное и такое длинное слово, но отчего-то лопатки мои расправляются, а ручка мясорубки вертится, как карусель* [К.В. Арутюнова. Карусель // «Волга», 2014]); (*Зимой по пути к яхт-клубу я видел, как бухту стремительно пересекают байдарки, как гребцы взмахивают в снежной пелене веслами, как лопасти идут с подкрутом летучей каруселью, летят...* [Александр Иличевский. Перс (2009)]);

– **скорость** (*Такого рода логика, надо сказать, действует в большинстве случаев почти безотказно, и целые поколения американцев захвачены безостановочной каруселью погони за успехом – утомительной, выматывающей все силы, калечащей человека и физически, и духовно и чаще всего – призрачной* [Гр. Оганов. Крестоносцы антиразума // «Наука и религия», 1984]).

Архисема 'движение' и дифференцирующие семы 'устройство', 'вращение' определяют терминологизацию лексемы **карусель** в химии (**Карусель** непрерывно охлаждается раствором хлористого кальция, и пока эскимо совершает круг, оно замерзает [О. Либкин. Божественный лед // «Химия и жизнь», 1967]), физике (*Едва узнав о когерере, Попов сразу же отбросил использовавшиеся им ранее «карусели» – радиометры, термоскопы, искровые промежутки, не требующие затемнения, и прочие замысловатые устройства и полностью переключился на усовершенствование когерера с целью использовать его в практическом устройстве, которое могло бы применяться для сигнализации на расстоянии* [В.П. Карцев. Приключения великих уравнений (1970)], **сельском хозяйстве** (**Карусель** работает и по программе, рассчитанной на неодинаковое орошение тех или иных секторов круга [Водяная карусель // «Техника – молодежи», 1974]). Карусель используется при подготовке **астронавтов** (**Карусель** для космонавтов [Заметки (Время искать и удивляться) // «Техника – молодежи», 1976]) и в **аэропорту** (*На транспортной карусели уже крутились оба его чемодана* [С.Е. Каледин. Записки гробокопателя (1987–1999)]), лежит в основе номинации **типа двери** (*Толкнув четырехстворчатую карусель двери, в зеркальное стекло которой, дрогнув, поехал соседний дом, я зашел и перешел через вестибюль* [Дмитрий Волчек. Загадочный господин Агеев // «Родник», 1989]), **детали рулетки в казино** (*Номы, делая вид, что не слышим, уже вступали в своих потертых пальто в игорный зал, где вокруг громадного овального стола сидели игроки в рулетку и молодой человек с зеркальным пробором и лицом сукина сына, так называемый крупье, раскладывал лопаткой с длинной ручкой ставки и запускал белый шарик в карусель крутящегося рулеточного аппарата с никелированными ручками* [Валентин Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977)]), **плотных городских застроек** (*По*

всей Москве нынче такую карусель строят) [И. Грекова. Первый налет (1960)], **движения железнодорожного транспорта** (*Разбежались по своим постам офицеры сопровождения, кочегары и машинисты; паровозы развернули на «карусели» в противоположном направлении; лишний вздохнул глубоко и сразу же тронулся, резво набирая скорость, словно хотел разогнаться и перепрыгнуть виднеющуюся впереди Волгу* [Гузель Яхина. Дети мои (2018)]). Такое широкое использование лексемы **карусель** в качестве термина или в составе терминологических сочетаний не только расширяет денотативное содержание слова, но и вводит ее в словарь специальной лексики.

Ассоциативный потенциал лексемы **карусель** экстраполируется на различные сферы жизни. Так, с каруселью сопоставляются те политические изменения, которые развивают интегральное значение 'движение', 'изменение', 'отсутствие стабильности'. Частотными при этом являются субстантивные словосочетания **карусель власти / властей** (*«Без этого кремлевская карусель власти давно бы взорвалась», – уверен профессор Шрёдер* [Виктор Агаев. Усталость от единства // «Огонек», 2015]; *Видимо, подчиняясь уже отмеченному мною неписаному закону «карусели властей», она почти без боя отдает Киев смело наступающим на город украинским партизанам под предводительством ставших вскоре легендарными Щорса и Боженко* [Борис Ефимов. Десять десятилетий (2000)], **карусель переворотов** (*Уход большевиков из Киева и возвращение петлюровцев оказались началом более чем двухлетней непрерывной смены властей в многострадальном городе, первым оборотом драматической и далеко не бескровной карусели переворотов и, как острили киевляне, «недоворотов»* [Борис Ефимов. Десять десятилетий (2000)], **карусель идеологии** (*А карусель идеологии продолжала раскручиваться, уж теперь трудней её было остановить, чем само солнце* [А.И. Солженицын. Бодался теленок с дубом (1967–1974)]) и **сочетания с зависимым компонентом в форме адъектива** (*Правый и виноватый, герой Октября и враг революции, старый большевик и беспартийный, колхозный крестьянин и полпред, народный комиссар и рабочий, интеллигент и Маршал Советского Союза – все в равной мере подвержены ударам бича, все кружатся в дьявольской кровавой карусели...*) [Анатолий Кучерена. Бал беззакония (2000)]; *Следующий круг предвыборной карусели – знаменитый «президентский чай»* [И.С. Шкловский. Эшелон (1984) // «Химия и жизнь», 1988–1992]. Через ассоциирование с **каруселью** демонстрируются особенности политических интриг и, в частности, политические выборы. Подобные контексты построены, как правило, на основе опорного субстантива карусель (-и) и зависимого субстантива в творительном падеже с предлогом «с» и при-

обретают значение «фальшь», «обман», «коррупция» (*На этой неделе в «Единую Россию» вступили десять глав регионов, в очереди еще 20, – видимо, понимают, что только членский билет сохраняет им шанс быть участником будущей карусели с назначениями* [По страницам зарубежной прессы (2004) // «Приазовский край», 07.10.2004]; *В Советском районе Владивостока милиция вынуждена была задержать пятерых молодых людей, устроивших «карусель» с покупкой голосов* [Олег Жунусов. Лучший город земли. Приморские избиратели предпочли шашлыки выборам (2002) // «Известия», 09.06.2002]).

Представление о репрессиях и жестоком отношении к определенной категории граждан также транслируется через ассоциацию с каруселью: *Вокруг крутилась антисемитская карусель, самое время было припомнить молитвы, которым его учили в Чаусах* [И.В. Иослович. И.Е. Поляков – внутренние и нервные болезни. Б. Молчановка, д. 18, кв. 3 // «Волга», 2009]; *В 1952 году заклеившие его коллеги попали в такую же смертную карусель* [Лев Аннинский. На краю Отечества // «Нева», 2003].

Иные интегральные семантические компоненты привлекаются при создании образа бюрократической машины, низкая эффективность и неповоротливость которой делает невозможным быстрое принятие решений и конструктивное решение проблем. При реализации в таких контекстах лексемы **карусель** ядерными становятся семы 'хаос', 'движение', 'бесперспективность': *Документы немецкому суду показались настолько убедительными, что он не задумываясь тут же им поверил, дал ход, и судебная карусель в Германии закрутилась с новой силой* [Сергей Мирзоев. Поддельное дело (2003) // «Вслух о...», 04.08.2003]; *Еще до истечения срока несостоявшегося ремонта (6 июня 2001 года) в 1999-м закрутилась судебная карусель, инициированная все тем же Минимуществом* [Владимир Емельяненко. Дворянские метания (2001) // «Известия», 23.12.2001]; *И бюрократическая карусель завертелась с новой силой* [Юрий Федоров. ...И все-таки, будет ли он построен? // «Техника – молодежи», 1974]; *Чем сильнее раскручивалась кадровая карусель, тем чаще в высоких креслах оказывались случайные люди и, наоборот, «выпадали» из них настоящие профессионалы* [Виктор Баранец. Генштаб без тайн. Книга 2 (1999)].

Ассоциирование с каруселью является частотным при описании военных событий, что обусловлено реализацией интегральных компонентов 'хаос', 'движение'. Военные действия, предполагающие ситуативную рассогласованность действий, характеризуются через отсылку к карусели в различных контекстных значениях:

1. Воздушный бой: *Каждый день в небе смертельная карусель, из которой вдруг падал огненный факел – то фашистский самолет, то*

наш [Роман Кармен. Но пасаран! [Ч. 2] (1972)]; *«Юнкеры», поочередно выходя из пике над берегом, выстраивались в круг, в эту непрерывную небесную карусель, заходя над степью выше клубящейся черноты* [Юрий Бондарев. Горячий снег (1969)].

2. Активные военные действия: *Виктор оборонялся – гасил смертоносную карусель, которую раскручивала над ним спящая радуга, – ему никак не удавалось ударить* [Сергей Бабаян. Ротмистр Неженцев (1995–1996)].

Ассоциации, связанные с лексемой карусель, расширяются и благодаря иным тематическим группам. Так, в частности, ассоциирование с **каруселью** является традиционным для **спорта** (*На катке хоккейная карусель сразу же закружила его* [М. Кондратьева. Долго будет Карелия сниться... // «Работница», 1980]; *Конькобежная карусель все убыстряла бег* [Владимир Корнилов. Демобилизация (1969–1971)]), **танцев** (*Танцоры, умело и вовремя заменяя друг друга, влетают в круг, и уже кажется, что карусель танца движется сама по себе, по древнему замыслу, суть которого отчасти заключается в желании ошеломить невидимого врага (в далекие времена, когда князья приглашали друг друга на пиршества, враг был видимым), так вот ошеломить его неистощимостью своей свирепой энергии* [Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (1989)]), **литературы** (*Гоголь создает поразительную по последствиям в русской литературе фигуру некоего юрисконсульта, колдуна и мага, умеющего заварить такую кашу, такую бумажную карусель, так всех запутать и стравить, что губерния пойдет войной на губернию, вместо антихристов перебьют не антихристов и достигнут предела пустоты* [Анатолий Смелянский. Четыре круга (1990–2000)]).

Использование метафорической конструкции с ядром **карусель** является весьма частотным при транслировании внешней оценки субъекта или его внутреннего состояния. Так, лексема **карусель** на уровне вторичной номинации используется для описания определенных ситуаций, связанных с неоправданной суетой, бесконечным наплывом дел, невозможностью остановиться: *Ури привел нас к своим друзьям, мы им пришли по вкусу, и закрутилась предотъездная карусель, начинавшаяся с просьбы о вызове* [Нина Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975–2003)]; *Он стар, лицо иссечено глубокими морщинами, тонкими, как нити, глаза усталые, да и сам он устал от этой карусели* [И.П. Максимов. «А утром всё загремело!..» (Из фронтового дневника) // «Бельские Просторы», 2010]; *Арсен умчался, и можно было не сомневаться, что до вечера его ждет нескончаемая карусель самых неотложных дел* [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)]; *Карусель армейской жизни крутится быстро, какой-то год – и молодой уже «постарел»: пересел ближе к кастрюле, перелег ближе к окну, вот он спит уже до самого развода, и «пайку» ему*

другие молодые прямо в постель несут [Владимир Киришин. Очерки частной жизни пермяков // «Уральская новь», 2002]; Я дождался второго касания и с грустью подумал о том, что все хорошее быстро кончается – через день я буду в слякотном Питере, закрутится карусель ежедневных дел, звонки, бумаги, чужие книги, чужие рукописи [Д.Н. Каралис. Роман с героиней // «Звезда», 2001].

Проведенный анализ демонстрирует и широкое использование метафоры с опорным словом **карусель** при характеристике психологического состояния личности. Отсюда высокая частотность реализации сочетаний **карусель мыслей** (*Закрыв глаза, я остановила карусель мыслей* [Эль Дальмар. Такие разные чудеса (2015)]), **паническая карусель** (*А в голове лихорадочно крутилась паническая карусель: как же это, он ведь и недели не пробыл в пути, неужели ВДНХ пала, и черные уже атакуют Пушкинскую?* [Дмитрий Глуховский. Метро 2033 (2005)]), **истерическая карусель** (*Пробыв в этой истерической карусели какое-то время, начинаешь думать, что верить нельзя вообще никому и во всей сети не найдётся и слова правды* [Александр Привалов. Об информационной гигиене // «Эксперт», 2014]), **муторная карусель** (*Всю ночь крутилась муторная карусель – тяжелое, давящее сердце, детство, а в полосьмого меня разбудил звонок* [Дина Рубина. Двойная фамилия (1986)] и т. д., в которых эксплицируются интегральные компоненты 'хаос', 'движение', 'отсутствие контроля'.

Национальный корпус русского языка фиксирует широкий набор контекстов, в которых лексема карусель реализуется с интегративным значением «движение по кругу». Так, данная ассоциация является ключевой при описании образов и ситуаций, связанных со **строением галактики** (*В этой огромной галактической карусели крутятся не только звёзды* [Е. Левитан. Соседи нашей Галактики // «Наука и жизнь», 2008]; *В центре этой космической «карусели» и находится черная дыра массой, в миллионы раз превышающей массу Солнца* [Владимир Горбачев. Концепции современного естествознания (2003)] и **астрологией** (*Карусель зодиака повернулась так, что огромный Лев, изогнувшись, будто перепрыгивал через храм на взгорье* [Алексей Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы. Гл. 21–39 (2011)]). Ассоциации с постоянным движением по кругу отмечены при описании других систем, которые предполагают определенную упорядоченность. Полярный характер ассоциаций объясняется тем, что в значении могут объединяться, с одной стороны, хаос, сумбур и беспорядочное движение, с другой – упорядоченность и гармония. Наиболее очевидным данный тезис является при описании транспортной сферы, где под каруселью понимается как **хаотичное движение** (*До позднего вечера над аэродромом стояла бесконечная гудящая беспоря-*

дочная карусель – самолеты прилетали, подвешивали бомбы, заправлялись, снова выруливали на взлетную полосу, взлетали и, собравшись в тройки, уходили на запад... [Виктор Гастелло. Два брата (2003) // «Наш современник», 15.06.2003]), так и **упорядоченная система, движение в рамках определенного регламента** (*Двести девяносто шесть грузовиков двенадцатью отдельными автоколоннами должны были минута в минуту выйти к массиву в примерно равноудаленных друг от друга пунктах и, двигаясь затем по кругу с одинаковыми дистанциями между всеми машинами, замкнуть оперативное кольцо, создав так называемую «карусель»* [Владимир Богомолов. Момент истины (В августе сорок четвертого...) (1973)]).

Ассоциация с каруселью рождается при описании различных явлений природы: *Похожие на вертела шпильки церковей пронзали облачную карусель, и в воздухе висел постоянно угасающий гул колоколов, мечтательный и стойкий, будто одна колокольня передавала другой дежурство по небу* [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)]; *Лужи превращаются колесами в карусель брызг* [Валерий Попов. Ты забыла свое крыло // «Октябрь», 2013]; *Заверив его, что помыслы наши чисты, как хлопья этой снежной карусели, мы последовали к знакомому подъезду* [Давид Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания (2000–2002)].

Обращает внимание наличие большого количество контекстов, в которых значение слова карусель расширяется за счет семы 'цикличность'. Такие контексты, как правило, связаны с описанием жизни, времени, истории: *Поэтому, как говорил Жан-Жак Руссель, заворачивай истории карусель* [Л.Ю. Брик. Из воспоминаний (1956–1977)]; *И поэтому он и вся его литература полвека вертят карусель и колеса истории, и каждый новый круг приносит новые страдания, беды и горе людям этой обреченной страны* [Аркадий Белинков. Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша / «Собирайте металлолом!» (1958–1968)]; *Ту же композицию мы наблюдали в январе: Святые дни начинаются на Рождество и заканчиваются Крещением: и тут видна эта пара, Христос и Иоанн, – между ними разворачиваются Святки, карусель времени, которая сама себе «год»* [Андрей Балдин. Московские праздные дни (1997)]; *И крутится эта карусель, сжимается круг уменьшением радиуса, ибо смерть уносит очередного, а жизнь взамен никого не доставляет* [Анатолий Хруцкий. Окаянные дни Ивана Алексеевича // «Звезда», 2001].

Трансформация семантики слова **карусель** обусловлена изменением дистрибутивных характеристик за счет расширения круга контекстов употреблений:

1. Система согласованных действий, преследующих определенную цель: Ну понятно,

что украли, понятно, что именно в вытрезвителе, но это ж надо какую **карусель** затевать, это ж надо каких-то свидетелей искать, в прокуратуру или куда там еще бежать... [Кража на посошок // «Криминальная хроника», 2003.06.10].

2. **Набор разнородных обстоятельств:** Вечером я никак не мог заснуть, маялся, ворочался с боку на бок, а в голове у меня крутилась какая-то сумасшедшая **карусель** из газеты, «Фауста», «Первой любви» и каких-то знакомых лиц, гнусным образом превращавшихся из одного в другое [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)].

3. **Тайная любовная связь:** В квартире собирается большая семья – дальний кузен, «похожий на героя», двадцатилетний русский американец Дмитрий (Егор Беров) влюбляется в тридцатипятилетнюю красавицу Сестру (Евгения Добровольская), и начинается бестолковая любовная **карусель** с таким же бестолковым адюльтером,

дурацкой ревностью и даже стрельбой [Алексей Филиппов. Из жизни шпрот. Между Чеховым и анекдотом (2001) // «Известия», 24.09.2001].

Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить, что полисемантическая и метафорическая потенция слова **карусель** расширяют его ассоциативное поле и формируют образы, отличные от первичного денотативного содержания. Результаты исследования подтверждают представление об изменении значений и появлении оттенков смысла в зависимости от новой контекстной реализации и экстралингвистических факторов. Комплексное изучение языковых единиц образной системы, формирующих основы русского национального сознания, позволяет посредством моделирования исследовать новые аспекты национально-культурных особенностей русской языковой картины мира.

Список литературы

1. Васильев А.Д. Слово в телеэфире: очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. Красноярск: Фланта, 2000. 224 с.
2. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 5–37.
3. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 2000. Т. 2. 2000. 684 с.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 2000. 1209 с.
6. Земская Е.А. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 2000. 236 с.
7. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008. 944 с.
8. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка: А–Я. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
10. Пономаренко И.Н. Универсальный принцип симметрии в объектах лингвистики. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. 200 с.
11. Попова З.Д. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2002. 59 с.
12. Толковый словарь русского языка: в 4 т. под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1: А – Кюрины // под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935. 1562 стб.
13. Топоров В.Н. О некоторых теоретических аспектах этимологии // Этимология. 1984. М., 1986. С. 205–211.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 2. 1986. 672 с.
15. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

References

1. Vasil'ev A.D. Slovo v telee`fire: ocherki novejshego slovoupotrebleniya v rossijskom televeshhanii [The word on the air: essays on the latest word usage in russian television]. Krasnoyarsk: Flinta, 2000. 224 p.
2. Vinogradov V.V. Slovo i znachenie kak predmet istoriko-leksikologicheskogo issledovaniya [Word and meaning as a subject of historical and lexicological research]. Voprosy` yazy`koznaniya, 1995, no. 1, pp. 5–37.
3. Gumbol't V. fon. Yazy`k i Filosofiya Kul'tury` [Language and Cultural Philosophy]. Moscow: Progress, 1985. 451 p.
4. Dal' V.I. Tolkovy`j slovar` zhivogo velikoruskogo yazy`ka: V 4 t. [Explanatory dictionary of the living great Russian language: in 4 volumes]. Moscow: Russkij yazy`k, 2000. Vol. 2. 2000. 684 p.
5. Efremova T.F. Novy`j slovar` russkogo yazy`ka. Tolkovo-slovoobrazovatel'ny`j. V 2 t. T. 1 [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and derivational. In 2 volumes. Vol. 1]. Moscow: Rus. yaz., 2000. 1209 p.

6. Zemskaya E.A. *Russkij yazyk konca XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language in the late 20th century (1985–1995)]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 2000. 236 p.
7. Krysin L.P. *Tolkovyj slovar inoyazychny'x slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow: E'ksmo, 2008. 944 p.
8. Kuznecov S.A. *Bol'shoj tolkovyj slovar russkogo yazyka: A – Ya* [The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language: A – Z]. SPb.: Norint, 1998. 1534 p.
9. Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar russkogo yazyka: 80 000 Slova i frazeologicheskie Vyrazhenija* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 Words and phraseological expressions]. Rossijskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. Moscow: OOO "A TEMP", 2006. 944 p.
10. Ponomarenko I.N. *Universalnyj princip simmetrii v ob'ektax lingvistiki* [The universal principle of symmetry in linguistic objects]. Simferopol': IT "ARIAL", 2023. 200 p.
11. Popova Z.D. *Yazyki i nacional'naya kartina mira* [Language and national worldview] 2002. 59 p.
12. *Tolkovyj Slovar Russkogo Yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes] Ed. D.N. Ushakova. Moscow: Sov. e'ncikl.: OGIZ, 1935–1940. Tom 1: A – Kyuriny'. Ed. prof. D.N. Ushakova. Moscow: Gos. in-t "Sov. e'ncikl."; OGIZ, 1935. 1562 stb.
13. Toporov V.N. *O nekotory'x teoreticheskix aspektax e'timologii* [On Some Theoretical Aspects of Etymology]. *E'timologiya*. 1984, pp. 205–211.
14. Fasmer M. *E'timologicheskij slovar russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Moscow: Progress, 1986–1987. 1986. Vol. 2. 672 p.
15. Shmelev A.D. *Russkij yazyki vneyazykovaya dejstvitel'nost'* [The Russian language and non-linguistic reality]. Moscow: Yazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 496 p.

Информация об авторах

Пономаренко Ирина Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия; irnik20@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7330-7383.

Сегал Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского и общего языкознания, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия; natasha-segal@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8213-5050

Information about the authors

Irina N. Ponomarenko, Doctor of Philology, Professor of the Department of Modern Russian, Kuban State University, Krasnodar, Russia; irnik20@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7330-7383.

Natalia A. Segal, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Russian, Slavic and General Linguistics, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia; natasha-segal@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8213-5050.

Статья поступила в редакцию 16.09.2025.

The article was submitted 16.09.2025.